А. О. ДЁМИН

ПЕРЕВОД РАССКАЗА ТЕРАМЕНА
ИЗ ТРАГЕДИИ Ж. РАСИНА «ФЕДРА»
И ОРИГИНАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО Г. Р. ДЕРЖАВИНА

В последние годы тема восприятия творчества Ж. Расина в России, впервые обстоятельно исследованная на материале XVIII в. Г. А. Гуковским,¹ дважды становилась предметом монографического обзора В. М. Мультатули.² Однако обширность еще не рассмотренного историко-литературного материала позволяет делать новые наблюдения в этой области. В предлагаемой работе рассматривается соотношение единственного опубликованного при жизни Г. Р. Державина отрывка из выполненного поэтом полного перевода трагедии «Федра» и его смысловые соотношения с полным текстом перевода и творчеством Державина в начале XIX в.

Рассказ Терамена о гибели Ипполита и по сей день остается единственным изданным фрагментом полного державинского перевода трагедии «Федра». Поэт поместил его в сентябрьском номере «Чтений в „Беседе любителей русского слова“» за 1811 г., и впоследствии этот отрывок неоднократно переиздавался.³

¹ См.: *Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 1—2. P. 75—93; Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: les imitateurs // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 3—4. P. 241—260.*

² *Мультатули В. М.* 1) Расин в России. СПб., 2000; 2) Расин в русской культуре: Пути освоения духовных ценностей иностранной культуры: соотношения национальных форм нравственно-эстетических представлений и средств художественной выразительности. СПб., 2003.

³ См.: Чтения в «Беседе любителей русского слова». 1811. Кн. 3. С. 130—131; *Державин Г. Р. Сочинения. Т. 4. СПб., 1867. С. 767—769; Федра, трагедия в 5 действиях, в стихах, Ж. Расина (1677). Перевод в стихах размером подлинника Л. Поливанова с приложением этюда Патена... М., 1895. С. 149—150; Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 369—370 (сер.: «Лит. памятники»); Колесо Фортуны: Из европейской поэзии XVII в. М., 1989. С. 475—477.*

Публикуя рассказ Терамена отдельно от полного перевода трагедии,⁴ Державин следовал начавшей складываться в России традиции. Первым рассказ Терамена, переведенный отдельно, выпустил в свет А. П. Сумароков в 1756 г.⁵ Он перевел также и шестое явление четвертого действия «Федры»⁶ и с восхищением отозвался о ней во «Мнении во сновидении о французских трагедиях».⁷ В 1810 г. А. М. Пушкин опубликовал свой перевод рассказа Терамена в «Вестнике Европы».⁸ Полный перевод «Федры», выполненный А. М. Пушкиным, остается неизданным, местонахождение его неизвестно.⁹ После Державина рассказ Терамена отдельно от текста трагедии выпустил в свет А. И. Писарев;¹⁰ П. А. Катенин и Ф. И. Тютчев перевели его отдельно в 1820-е гг.¹¹ В архиве Державина сохранился автограф Н. И. Гнедича, содержащий перевод рассказа Терамена, текст которого не совпадает ни с одним из ныне известных.¹²

Действительно, рассказ Терамена в силу своей монолитности и композиционной завершенности легко вычленяется из текста трагедии Расина. Это — самостоятельный лирический отрывок, который вполне может существовать отдельно. Однако он является необходимым звеном в развитии сценического действия трагедии. Рассказ Терамена содержит сведения, необходимые для завершения сюжетной линии, связанной с фигурой Ипполита. Юный герой погибает не только по причине отцовского проклятия, но и в результате своего стремления к подвигу, о котором зритель узнает с первых же минут сценического действия. Томимый бездействием и любовной страстью к Арисии, Ипполит стремится

⁴ Тема полного перевода «Федры» Державиным освещалась мной в докладе на X Державинских чтениях 20 января 1999 г. Здесь будет уместным заметить, что 1811 г. следует предположительно считать поздним пределом работы Державина над переводом: выставленная в рукописях дата 27 августа 1809 г. может считаться только промежуточной, так как и после нее текст претерпел значительные изменения.

⁵ См.: Ежемесячные сочинения. 1756. Май. С. 422—425.

⁶ См.: Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 1. С. 103—106.

⁷ См.: Полн. собр. всех соч.: в стихах и прозе <...> А. П. Сумарокова. М., 1781. Ч. 4. С. 340—344.

⁸ См.: Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 10. С. 120—123.

⁹ См. о нем: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 176; Русский архив. 1867. Ст. 1080.

¹⁰ См.: Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 3. С. 180—183. В редакционном примечании указано, что это отрывок из перевода «Федры» Ж. Расина, почти законченного.

¹¹ См.: Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 645—646; Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 99—101. О переводе Тютчева см.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. М.; Л., 1966. С. 454—462.

¹² РО РНБ. Ф. 247. Державин. Т. 24. Л. 141—143.

покинуть Трезен, чтобы отправиться на поиски Тезея и самому стать героем, подобно отцу:¹³

На страсти не дала мне слава прав ни мало,
Мной ни одно сще чудовище не пало.

(Л. 4)¹⁴

Мы узнаем также, что в детстве Ипполит гораздо больше любил слушать рассказы Терамена о победах Тезея над чудовищами и разбойниками, чем о его любовных похождениях. Ипполит с радостью узнавал, что отец:

Чудовищ низлагал, разбойников карал.

(Л. 3 об.)

При встрече с Тезеем уже отягощенный ужасным признанием Федры Ипполит с удвоенной горячностью просит отца отпустить его из Трезена на поиски славы, которую может принести ему встреча с чудовищем:

Позволь же попещись о славе ты моей,
И коль чудовище где от руки твоей
Спаслось, вели, и вмиг линовище прострется
К стопам твоим его иль в веки пронесется
О смерти слух моей, чтоб подвигом таким
Стал благородным я тебе достойный сын.

(Л. 25)

В приведенном фрагменте содержится невольно пророческое указание на возможную гибель в схватке с чудовищем, которая и совершится в финале трагедии.

Мотив змеборства, или точнее тератомахии (борьбы с чудовищем), возникает также в важнейшей сцене — в признании Федры. Пытаясь обольстить Ипполита, Федра мечтает вслух о том, что он мог бы вместо Тезея вступить в бой с Минотавром и тогда она вместо Ариадны вручила бы юному герою спасительную нить для выхода из Лабиринта и даже сама спустилась бы с ним в подземелье, чтобы оберегать его.

Тобой чудовищу должно бы быть убиту...

(Л. 18 об.) —

¹³ Здесь и далее приводятся фрагменты из перевода Державина, а для необходимого к ним комментария — соответствующие места из оригинального текста Расина.

¹⁴ Здесь и далее перевод Державина цитируется по рукописи РО ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. № 33. Л. 1—43. Правка Державина вносится без дополнительных оговорок. Орфография и пунктуация унифицированы в соответствии с современными правилами.

говорит Федра, подразумевая Минотавра. Державин опускает здесь уточняющий эпитет, имеющийся в тексте Расина, что расширяет значение слова «чудовище», придает ему более обобщенный смысл. Ср. у Расина:

Par vous aurait péri le monstre de la Crète...

(Р. 770)¹⁵

(Через Вас чудовищу Критскому погибель приять бы...)¹⁶

Когда же этот ход не приносит героине желаемого результата, она, охваченная порывом внезапного раскаянья, просит Ипполита убить ее, называя уже себя чудовищем, которое следует уничтожить:

Спаси от зверя мир, грозящего пожрать.
Вдову Тезея жжет ко Ипполиту страсть!
Чудовищу сему не дай в живых остаться,
Вот сердце, что твоей рукой должно пронзаться.

(Л. 19 об.)

В первом из приведенных двустиший Державин помимо неудачной рифмы допускает уже характерную для его перевода неточность. В его переводе страсть Федры угрожает миру, как чудовище, готовое его пожрать. Убив Федру, Ипполит должен спасти вселенную от катастрофы. В тексте Расина образ космического масштаба: «*Délivre l'univers d'un monstre...*» («Избави вселенную от чудовища...») фокусируется в точке личных взаимоотношений двух людей: Федра пытается вызвать у Ипполита, ведущего себя в этой сцене подчеркнуто сдержанно, чувство, направленное конкретно на нее, если не любовь, то хотя бы ненависть: «...*qui t'irrite*» (Р. 772) («...кое во гнев тебя приводит»).

Потерпев неудачу в любовном признании, Федра при вести о возвращении мужа готова относиться к самому Ипполиту, как к чудовищу. На вопрос Эноны: «Какими на него взираешь ты очами?» Федра отвечает: «Как на лютейшего меж страшными зверями» (Л. 24 об.). Расин в соответствующей строке пользуется словом «*monstre*»: «*Je le vois comme un monstre effroyable à mes yeux*» (Р. 778) («Он чудовищем, ужаса достойным, очам моим является»). Воспользовавшись этим мгновением ужаса и ненависти, Энона убеждает героиню в необходимости оклеветать Ипполита, и согласие Федры становится роковым для юного героя.

¹⁵ Здесь и далее трагедия Расина цитируется по изданию: *Racine J. Œuvres complètes*. Paris, 1950. Vol. I. Théâtre. Poésies с указанием номера страницы в тексте.

¹⁶ Здесь и далее подстрочный перевод мой. — А. Д.

Образ-мотив чудовища как метафоры преступной страсти Федры возникает еще раз в непосредственной близости от развязки трагедии. Арисия, извещенная Ипполитом обо всем случившемся, но связанная обещанием не называть имя Федры, пытается намекнуть Тезею на истинный источник несчастий в его доме:

Брегися, государь! хоть силой несравненной
Чудовищ свергнул ты с лица всея вселенной;
Но есть еще одно, оставленно тобой,
О ком претит вещать достойный сын мне твой.

(Л. 37)

После этих слов Тезей получает одно за другим известия о самоубийстве Эноны, о гибели Ипполита (здесь, в рассказе Терамена, чудовище предстает во всей своей ужасной живописности) и, наконец, узнает из уст умирающей Федры всю правду, что довершает развязку.

В приведенном отрывке Державин допускает неточность, соотносимую с отмеченными выше. В его тексте мотив борьбы с чудовищами вновь генерализуется, приобретает космический масштаб, тогда как в тексте Расина речь не идет о «лице всея вселенной», но только о бесчисленных чудовищах, от которых непобедимые руки Тезея избавили людей:

...vos invincibles mains
Ont de monstres sans nombre affranchi les humains.

(Р. 796)

(...непобедимые руки ваши
От бесчисленных чудовищ человечество избавили).

Итак, в составе полного текста трагедии гибель Ипполита приобретает троякий смысл. Герой гибнет не только из-за отцовского проклятия и предательски поспешного исполнения Нептуном молитвы Тезея, но также терпит неудачу в совершении подвига, к которому стремился всю жизнь. Вытекающий из приведенных примеров третий смысл эпизода гибели Ипполита таков: в образе морского дракона Ипполита настигает страсть Федры, перед гибельным напором которой он оказывается бессилен и с которой безуспешно пытается бороться. Дракон, кстати, имеет черты быка, что напоминает о преступном влечении матери Федры, Пасифаи, к быку, и о плоде этого влечения — Минотавре.

Следует отметить, что удар копьем, наносимый Ипполитом чудовищу, является художественной находкой Расина. Трагики, обрабатывавшие этот сюжет до него (Еврипид, Сенека, Р. Гарнье), рисовали Ипполита лишь искусным возницей, который долгое время мог спастись от преследования дракона, ловко управляя конями. Для сравнения можно привести почти комическое положение в скан-

дально известной трагедии Н. Прадона «Ипполит и Федра» (1677), написанной и поставленной в пику Расину. Здесь Ипполит требует от коней остановиться, объясняя им, что должен поразить чудовище, будучи достойным сыном своего великого отца, однако обуянные страхом скакуны, естественно, его не слушают и несутся прочь, увлекая за собой колесницу.¹⁷ Как уже было отмечено выше, именно расиновская версия рассказа о гибели Ипполита, наряду с трагедией «Федра» в целом, оказывается актуальной для русской художественной словесности в начале XIX в., и в частности для Державина.

В соотнесении с фактами оригинального творчества «отца русских поэтов» 1800—1810-х гг. перевод рассказа Терамена и его публикация в журнале «Беседы любителей русского слова» в сентябре 1811 г. получают особый смысл.

План фрагмента, с редкостной точностью, по мнению Г. А. Гукковского,¹⁸ переведенного Державиным, в кратком изложении таков:

1. Ипполит в окружении своих приближенных направляется из Трезена в сторону Микен на колеснице, запряженной его любимыми конями.

2. Внезапно из глубины моря появляется ужасное чудовище, при виде которого товарищи Ипполита обращаются в бегство.

3. Ипполит, сдержав коней, наносит чудовищу удар копьем в бок. Разъяренный зверь бросается под ноги коней.

4. Кони, напуганные чудовищем, скачут, не разбирая дороги и не подчиняясь ни вожжам, ни окрикам Ипполита. В результате колесница, налетев на камень, разваливается на куски, а Ипполит, запутавшись в вожжах, погибает, влекомый лошадьми по бездорожью.

5. Терамен отыскивает умирающего Ипполита, тот просит его взять на себя заботу об Арисии и выпускает дух.

Сюжет о крушении колесницы был разработан Державиным в оде «Колесница», начатой 31 января 1793 г., когда в Петербург пришло известие о совершившейся 10 января казни французского короля Людовика XVI. Ода была завершена и опубликована в 1804 г. В комментарии к стихотворению Я. К. Грот приводит фрагмент из «Записок» графа Л. Ф. Сегюра (1753—1830) о слабости и шаткости королевской власти во Франции в июне 1789 г.: «Престол был похож на колесницу, у которой сломалась ось, и лошади уже не повинуются вожжам».¹⁹ Не стоит настаивать на влиянии «Записок» Сегюра,

¹⁷ См., напр.: *Les œuvres de M. Pradon divisées en deux tomes. Nouvelle édition corrigée et augmentée.* Paris, 1744. Т. 1. P. 189.

¹⁸ См.: *Gukovskij G. Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs, par // Revue des études slaves.* 1927. Fasc. 1—2. P. 92.

¹⁹ См.: *Державин Г. П. Сочинения.* СПб., 1864. Т. 1. С. 524. Слова «char», «coursiers», «essieu», «grênes», употребляемые Сегюром, делают отсылку к расиновскому рассказу Терамена еще более прозрачной (см., напр.: *Mémoires ou Souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur <...>. Deuxième édition.* Paris, 1826. Т. 3. P. 492). Далее ссылки на издание: *Державин Г. П. Сочинения / С объ-*

впервые опубликованных во Франции в 1824 г., на творческий замысел Державина. И все же следует отметить, что образ колесницы, символизирующий самообладание и шире — выражающий идею управления, восходит к диалогу Платона «Федр» и мог быть известен Державину, например, из перевода сочинений древнегреческого философа, опубликованного в Петербурге в 1780—1783 гг.²⁰ В сюжете «Колесницы» коней своим карканьем пугают вороны. Так Державин изображает «философов», которые вздорными умствованиями смущают народ и подстрекают его к беспорядкам и бунтам. В мотивной структуре рассказа Терамена ту же функцию выполняет морской дракон.

Образ чудовища и тема борьбы с ним занимает чрезвычайно важное место в творчестве Державина и особенно активно разрабатывается поэтом в 1800—1810-х гг.

Сюжет дракономагии (борьбы со змеем) традиционно интерпретируется во всех культурах земного шара, особенно на поздних этапах, как символическое изображение борьбы с внешним или внутренним политическим врагом.²¹

Впервые след змеборческого сюжета в поэзии Державина встречаем в «Оде Екатерине II» (1767), воспевавшей императрицу в связи с опубликованием «Наказа»:

Стрелец, оружием снабженный,
На сыне видя лютых змей,
Любовью отчей побужденный
Спасти его напасти сей,
Поспешно лук свой напрягает,
На сына стрелы обращает;
Но чтоб кровям его не литься
И жизнь безбедно сохранить,
Искусно метит он и тщится
На нем лишь змей одних убить.

Таков твой суд есть милосердный,
Ты так к нам сердобольна мать!

(III, 244)

Этот образ найдет свое отражение в поздней оде 1807 г. «На выступление корпуса гвардии в поход» (II, 626—627), где захваченный

яснительными прим. Я. Грота. СПб., 1864—1883. Т. 1—9 приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

²⁰ См.: Творений велемудрого Платона части втория перьвая половина, переложенная с греческого языка на российский священником Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым... СПб., 1783. С. 159, 187, 190.

²¹ См., напр.: История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 411—412; Dictionnaire des mythes littéraires. Monaco, 1988. P. 78—86, 1217—1224; Мифы народов мира. М., 1991. С. 394—395.

французами Берлин представлен Лаокооном, опутанным змеями, а Александр I — Фебом, спасающим его солнечными стрелами.

Особое значение для дальнейшего творчества Державина имеют змееборческие мотивы в «Читалагайских одах»²² «На ласкательство» и «На порицание» (1775). В них в образе змей и чудовищ представлены нравственные пороки и безнравственные деяния, с которыми следует бороться. Лирический герой оды «На ласкательство» решает вступить в битву с лезтью. «Поборствуй мне, добльственный Алкид, ты, которого бесстрашная доблесть низлагала ужаснейших чудовищ! В подобие тебе, яко отмститель вселенной, еще с опаснейшим чудовищем я долженствую братися», — восклицает поэт (III, 274). Далее, в четвертой строфе, лезть изображена в виде змеи, коварно скрывающейся в траве. Обращение к «Порицанию», или точнее к «Клевете» (die Verleumdung): «Ядовитая гидра! ты, которой угрызение змиино жалит для общего добра рожденного принца, о дикий кровожаждающий тигр!» (III, 282).

Отсюда берут свое начало многочисленные уподобления змеям и чудовищам лести, клеветы, злобы, безбожия и льстецов, клеветников, злодеев, безбожников, нечестивцев в одах и драмах Державина. Наиболее показательный пример из драматургии — уподобление коварной Марины Мнишек в «Пожарском» (1806) «златосеребряной сверкающей ехидне», «виющейся на цветах»,²³ к которому восходит, как было отмечено И. Н. Медведевой и В. А. Бочкаревым, сравнение Марины со змеей в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина.²⁴ Ср. в оде «На ласкательство»: «Тако клубящаяся змия, лежащая сокровенно во злаке, приуклоняет кичливую главу свою пред безопасным (verwegenen) Африканцем. Она ползет, дабы напасть, и вред желающей угрызть несется под сеннолистием и под цветами...» (III, 275).

В лирике уподобление нравственных пороков и безнравственных деяний, а также нравственно порочных людей змеям и чудовищам часто сведено к одной выразительной детали — «зиянию», как, например, в оде «Упование на защиту Божию» (1811):

Будь милостив ко мне, мой Бог,
Коль враг меня пожрать зияет...

(III, 95)

²² О месте «Читалагайских од» в творческой эволюции Державина и в истории русской оды см.: *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. С. 75—92.

²³ Характеристика Марины в монологе Авраамия Палицына (IV, 139—140).

²⁴ См.: *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 59; *Бочкарев В. А.* О некоторых особенностях трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 8, 13. Бочкарев отмечает также сравнение клеветницы Соломии с ехидной в роли Мариамны: «Ехидна так в цветах бывает ухищрена» (IV, 241).

Такое уподобление совершенно отсутствует в текстах од «Помощь Божия» (1793), «Приношение монархине» (1795) и «На безбожников» (1804), однако зримо явлено в виньетках к ним по программам самого Державина.²⁵

С тематикой нечестия, безбожия, злобы и коварства связано эмблематическое изображение революции, народного бунта, в фигуре Гидры, впервые встречаемое у Державина в надписи на статуе Петра Великого (1775):

Се тот герой, Орла который просветил,
Вне Солнце, Льва, Луну, — внутрь Гидру победил.

(III, 327)²⁶

Оно становится основой для изображения Геракла (Алкида), побивающего Гидру палицей. Сначала Державин применяет этот образ к Потемкину как усмирителю Пугачевского восстания и к Екатерине II,²⁷ а затем — к Суворову, победителю мятежных французов.²⁸ В оде «На Мальтийский орден» (1798) поэт изображает мистическое превращение «Галла», родившего Гидру безверия, в чудовище, что художественно мотивирует воспеваемую Державиным в дальнейшем борьбу с французами:

Безверья гидра проявилась:
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал!
Растет — и тысячью главами

²⁵ Значение первого рисунка к «Помощи Божией»: «Змея ползет к спящему младенцу: означение Злости, которая всегда избирает время беспечности нашей; Помощь Божия в виде ангела спешит к Невинности и Оком Всевидящим отражает Злость, осыпая младенца маковым цветом» (I, 552). На картинке Оленина к «Приношению монархине» «под стопами Фелицы орел раздирает ехидну, означающую ненависть и злобу» (I, 717). Первый рисунок к оде «На безбожников»: «Вверху, посреди неба Всевидящее Око сквозь туч бросает громы на крылатых драконов и ползущих змей, — изображает, что рано или поздно несчастье (видимо, опечатка — нечестие. — А. Д.) накажется» (II, 510).

²⁶ Так поэт интерпретирует фигуру змеи, извивающейся под копытами Медного всадника.

²⁷ См.: «Эпистола к генералу Михельсону на защищение Казани» (1775), где Пугачев еще просто «змей» (III, 319); «Изображение Фелицы» (1789) (I, 290—291); «Развалины» (1797) (II, 99), хотя, по мнению Грота, «Алкиду, поражающему палицей гидру уподоблен победитель (Орлов-Чесменский. — А. Д.)» (там же).

²⁸ «На медальон, на котором представлен Суворов в львиной коже» (1791) (III, 353, а также вариант из рукописи 1790 г., там же); «Орел» (1799) (II, 241—242). На первом рисунке к этой оде изображен Геркулес, поражающий Гидру палицей, что соответствует призыву: «Гряди, Алкид, на Гидру дерзку, // Смири ее ты лютость зверску...» и т.д.; «Маневры» (1804) (II, 490).

С несчетных жал струит реками
Обманчивый по свету яд.

(II, 216)

В военных одах Державина 1800 — 1810 гг. Александр I предстанет в образе Феба, поражающего солнечными стрелами Тифона.²⁹ Там же регулярно появляется рифма «Александра — Саламандра», где Саламандр — огнежрущее чудовище, символ Наполеона. Например, в оде «На отправление в армию фельдмаршала графа Каменского» (1806):

Иди! иди! предходит Бог
Перед хоругвью Александра,
И пламень жруща Саламандра
Он в прах твоих повергнет ног.

(II, 609)³⁰

Наиболее значительные произведения Державина 1800—1810 гг., в которых разрабатывается змееборческий сюжет — «театральное представление с музыкою» «Добрыня» (1804), кантата «Персей и Андромеда» (1807), «Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества» (1812) и оперное либретто «Грозный, или Покорение Казани» (1814).

«Добрыня» (IV, 47—128), по всей вероятности, был написан под свежим впечатлением от одноименной поэмы скончавшегося годом раньше Н. А. Львова (1796, опубликована в 1804). Резкая полемическая заостренность «Добрыни» против модной в эти годы в Петербурге комической оперы «Русалка»,³¹ явная пародийность,

²⁹ См.: «Поход Озирида» (1805) (II, 570—573); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 627); Виньетка к отдельному изданию оды «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) «представляет триумфальные ворота и вступающего в них Феба, за которым лежит пораженный им дракон и летят орлы» (III, 216, прим.). Первое употребление этого образа встречаем в кантате «Любителю художеств» (1791), где через борьбу Аполлона с чудовищем изображено просвещение, солнечными стрелами уничтожающее невежество (I, 370). Об историко-литературном и широком культурологическом контексте этого образа см.: Лаппо-Данилевский К. Пифон или Тифон? (Из комментария к стихотворению Державина «Любителю художеств») // Новое литературное обозрение. № 55 (2002). С. 132—150; Вильк Е. А. «Чудище стозевно» и Тифон: («Путешествие...») А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) // Там же. С. 151—173.

³⁰ См. также: «Кантата» (1805) (III, 382), где использована рифма притяжательных прилагательных «Александров—Саламандров»; «Персей и Андромеда» (II, 616); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 626); «На парение орла» (1812) (III, 135).

³¹ О сценической истории этой оперы см.: Губкина Н. В. К истории «Русалки» на немецкой и российской сценах в Петербурге // Театральная жизнь Петербурга в контексте европейской культуры XVIII—начала XX в. Тез. докл. междунар. конф. 23—24 ноября 1995 г. СПб., 1996. С. 22—24.

принадлежность к складывающемуся жанру русской волшебного-героической оперы обусловили юмористический характер подачи былинного сюжета. Так, например, рассказ о сражении Добрыни с Тугарином вложен в уста комического слуги, труса Торопа (IV, 100—103).³²

Театральная природа «Персея и Андромеды» (II, 612—617) была проанализирована мною.³³ Следует отметить, что в конце 1805 г., незадолго до написания «Персея», Державин перевел кантату Ж.-Б. Руссо «Цирцея» (1715), бывшую общепринятым образцом этого жанра в европейской литературной культуре (II, 535, прим.). Любопытно, что «Цирцея» и «Персей» Державина являются своеобразной поэтической дилогией, отражающей театральную дилогию А. Я. Княжнина 1802—1803 гг., куда входят дуодрамы — «Цирцея и Улисс» и «Андромеда и Персей», исполненные А. Д. Каратыгиной и А. С. Яковлевым. В «Персее» Державина чудовищу, изображающему Наполеона и его армию, впервые в творчестве поэта приданы черты апокалиптического Зверя, исходящего из бездны, что намечает решение темы, характерное для его од 1812—1814 гг.

«Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества» (III, 137—164) содержит в себе большую часть вариантов образного оформления сюжета тератомахии, встречаемых порознь в других одах и драмах Державина, и добавляет к ним ряд новых.

В «опере» «Грозный, или Покорение Казани» (IV, 579—638), писавшейся на протяжении 1813 и опубликованной в 1814 г., змееборческий сюжет теряет свойственную «Гимну» апокалиптическую остроту и размах. Иоанн Грозный явился завоевать Казань, как Александр I шел покорить Париж в 1813 г., следовательно, змееборство в опере теряет свой самый важный — сотериологический — смысл, не предстает более избавлением от грозящей опасности. Соответственно и Зилант Казанский в опере является чуть ли не бутафорским муляжем, сооруженным злым волшебником Нигрином для отпугивания русской рати, впрочем, безуспешного: в начале третьего действия мы видим Зиланта уже при последнем издыхании (IV, 599).

Таковы основные этапы развития сюжета тератомахии и его основного варианта — змееборства в поэзии и драматургии Державина. Не стоит останавливаться здесь на всех проходных и автоматических упоминаниях змей и чудовищ, учтенных нами при фронтальном просмотре трех томов лирики и тома драматургии поэта. Оставлены в стороне также мотивы гигантомахии, воспринятые Державиным из античной литературы, в частности из переводов Пин-

³² Завершение рассказа — в роли Сотника (С. 112).

³³ См.: Дёмин А. О. О театральных источниках кантаты Г. Р. Державина «Персей и Андромеда» // Литературное произведение: сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. С. 37—46. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3).

дара и Горация,³⁴ эмблематические картины борьбы орла со змеей,³⁵ Давида с Голиафом,³⁶ Самсона со львом,³⁷ уникальные для поэзии Державина описания победы Минервы над Сиреной,³⁸ Красоты над Львом,³⁹ мальтийского кавалера Богдана де Гозона над крокодилом-людоедом,⁴⁰ атамана Платова над «вепрем чернощетинным»⁴¹ и др., следует лишь отметить, что державинская художественная тератология и тератомахия требуют отдельного подробного исследования.

Нетрудно заметить, что мотивная структура рассказа Терамена коренным образом отличается от мотивной структуры традиционного змеборческого сюжета, повсеместно используемого Державиным. Нападает здесь не чудовище, а герой (знаменитый удар копьем, изобретенный Расином), что вызывает ответный выпад зверя:

Страшилище, с копья вспрынув, остервенело...

(Л. 39)

Схватка заканчивается плачевно для героя. Следует помнить также о смысловой нагрузке образа крушения колесницы и бешеной скачки неуправляемых коней, губящих своего хозяина, *запутавшегося в вожжах*. Каким же образом рассказ Терамена вписывается в творчество Державина 1800—1810 гг.?

³⁴ См.: «Fragmentum» (1772) (III, 257—258); «На победы Екатерины II над турками» (1772) (I, 14); «На бракосочетание вел. кн. Павла Петровича с Наталией Алексеевной» (1773) (III, 264—265); «Первая песнь Пиндара пифическая» (1800) (II, 333); «К Каллиопе» (1811) (III, 102—103); «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) (III, 219).

³⁵ См.: «Ода на день рождения Ее Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 г.» (III, 307—308, из пропущенных в печати строф); «Епистола И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777 г. сентября 17 дня» (I, 57), которая наряду с предыдущей одой и «Епистолой к генералу Михельсону на защищение Казани» (1775) (III, 311—324) стоит у истоков «казанской» тематики Державина; «На взятие Варшавы» (1794) (I, 645); «Приношение монархине» (1795) (I, 715—717, виньетка Оленина); «На новый 1797 год» (I, 19); «На рождение вел. кн. Михаила Павловича» (1798) (II, 154); «На отправление в армию фельдмаршала графа Каменского» (1806) (II, 608); «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807) (II, 626); «На парение орла» (1812) (III, 133—134); «На сретенье победителя Европы Александра I» (1814) (III, 216, 217, 218; см. также виньетку к отдельному изданию, воспроизведенную на с. 215).

³⁶ См.: «На Мальтийский орден» (1798) (II, 222); «На победу Александром I Наполеона под Люценом» (1813) (III, 168—169).

³⁷ См.: «На смерть графини Румянцовой» (1788) (I, 221); «На Мальтийский орден» (1798) (II, 221).

³⁸ См.: «На коварство французского возмущения и в честь кн. Пожарского» (1790) (I, 319, см. также первую виньетку к оде, воспроизведенную на с. 315).

³⁹ См.: «Победа Красоты» (1796) (I, 753—757).

⁴⁰ См.: «На переход Альпийских гор» (1799) (II, 290—291).

⁴¹ См.: «Атаману и войску Донскому» (1807) (II, 650).

Отвечая на этот вопрос, нужно прежде всего отметить, что Державин как певец славы русского оружия в период с мая 1807 по июнь 1812 г.⁴² воздерживается от публичных выступлений. Александр I воспрепятствовал обнародованию его оды «На мир 1807 года», посвященной заключению Тильзитского договора и адресованной императрицам Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне. Державин воспевал в ней «тишину» и отечество, счастливо избегнувшее опасности. Ему пришлось довольствоваться лишь рукописным экземпляром, поднесенным императрицам.⁴³

18 апреля 1809 г. Державин написал стихотворение «Геба» на бракосочетание вел. кн. Екатерины Павловны с герцогом Ольденбургским Георгием (III, 1—3) и напечатал его в «Цветнике».⁴⁴ В нем высказывалась надежда на военную славу, связанную с именем герцога. В действительности же именно захват герцогства Ольденбургского Наполеоном, как известно, явился последней каплей в скрытом конфликте России и Франции, назревавшем в течение 1809—1810 гг.⁴⁵ Начавшиеся вскоре после этого события приготовления к войне⁴⁶ (Александр хотел нарушить Тильзитский мир по собственной инициативе) не вызывали у Державина «пиитического восторга».

18 июня 1811 г. он переводит на Званке седьмой эпод Горация «К римскому народу» (III, 85), первая строфа которого вполне определенно выражает отношение автора к происходящему:

Куда, куда еще,⁴⁷ мечи едва вложенны
В ножны, вы обнажа, стремитесь вновь, ярьсь?
Поля ль от вас, моря ль не много обагрены,
И мало ль ваша кровь лилась?

⁴² См.: Сын Отечества. 1812. Ч. I. № 6. С. 253, 254.

⁴³ Первую публикацию см.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1816. Ч. 5. С. 107—112 со значительными изменениями, о которых см.: II, 658.

⁴⁴ См.: Цветник. 1809. Ч. 2. № 4. С. 82—84.

⁴⁵ См.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1911. Т. 2. Второй брак Наполеона. Упадок союза. С. 545—549, 552—561.

⁴⁶ О них см.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1912. Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 1—57.

⁴⁷ Ср. в оде «На взятие Варшавы» (1794) строки:

О всемогущая жена!
Бессмертная Екатерина!
Куда? и что еще? — Уже полна
Великих ваших дел вселенна.
(II, 639—640)

Они вызвали недовольство императрицы, неверно прочитанные ее секретарем В. С. Поповым, о чем Державин вспоминает в «Объяснениях» (II, 638—639, прим.).

Поэт идет еще дальше и пророчествует, отступая от оригинала:

Так, так, — не от парфян, но собственной враждою
Своей, крамолою падет ваш славный град.

Естественно, что перевод этот оставался неопубликованным до 1816 г.⁴⁸ И хотя спустя менее месяца, 16 июля, Державин пишет вполне одобрительную по отношению к военным приготовлениям оду «На преодоление врага», выбранную из 65-го псалма (III, 97—99), она также остается «под спудом», видимо до выяснения внешнеполитической конъюнктуры.⁴⁹

В целом, поэт-сенатор весьма скептически относился к стратегическому потенциалу молодого александровского окружения, о чем свидетельствует, например, его басня «Голуби» (III, 567—568), которую, к сожалению, пока можно датировать лишь в широком промежутке 1802—1816 гг.

Державин-драматург пишет в это время произведения, обидные для государя. Среди них — «Евпраксия» (1809), где поэт яростно и язвительно протестует против намечающегося брака Наполеона с великой княжной Анной Павловной.⁵⁰ С особым упорством Державин настаивает на постановке «Евпраксии», что было бы чревато скандалом, чем доводит заведующего репертуарной частью А. А. Шаховского чуть ли не до нервного срыва.⁵¹ Неудавшаяся попытка постановки «Евпраксии» навсегда закрывает для Державина-драматурга двери Императорских театров.⁵²

За «Евпраксией» следует трагедия «Темный», которую Державин демонстративно пишет «в стол» и назойливо предлагает читать всем своим знакомым. Главный герой «Темного» — *слепой* князь Василий III, которому угрожает гибель от рук узурпатора. Спасает Василия «верный мурза Багрим», удаленный от княжеского двора за «слишком ревностную службу».

В том же 1809 г. Державин трудится над переводом «Федры» Расина, акцентируя в нем с помощью генерализации образов чу-

⁴⁸ См.: *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1816. Ч. 5. С. 194—195.

⁴⁹ См.: Там же. С. 41—43.

⁵⁰ О сватовстве Наполеона к великой княжне см.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1: От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1910. С. 464—477; Т. 2: Второй брак Наполеона. Упадок союза. СПб., 1911. С. 200, 242—299; *Татищев С. С.* Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона I с вел. кн. Анною Павловною. 1809—1810 гг. М., 1890.

⁵¹ См.: *Альтишуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor; Michigan, 1984. С. 160—164; 2-е изд.: Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 165—169.

⁵² Словно в пику театральной цензуре Державин вводит упоминание о судьбе злосчастной княгини в оду 1810 г. «Добродетель»: «Царицы — верных жен примеры: // Вершит свой Евпраксия рок» (III, 59).

довища в отмеченных выше фрагментах сюжетную линию юного неопытного Ипполита, стремящегося сразиться с «мировым злом». Державин-стихотворец уже давно раздражает Александра напоминаниями о его невеселом детстве, о докучных педагогических затеях Екатерины-Фелицы; Державин-сенатор в отставке забрасывает царя проектами по обороне отечества от иноземных врагов, которые Александр упорно игнорирует, чем в свою очередь восстанавливает против себя вспыльчивого екатерининского вельможу, известного своей несдержанностью, когда речь идет о «правде».

Личные отношения между тридцатидвухлетним «порфиородным отроком» и отставным «певцом Фелицы» должны были окончательно испортиться в марте 1811 г. Александр не соизволил приехать на официальное открытие «Беседы»,⁵³ несмотря на настойчивые приглашения Державина, что могло вызвать немало насмешек в адрес престарелого «Орфея», которому было отказано в «сретении Солнца».⁵⁴

К концу августа 1811 г. внешнеполитическая обстановка и положение России не могли не вызывать тревоги у всякого информированного и здравомыслящего человека. «Великая армия», мобилизованная Наполеоном в ответ на военные инициативы Александра, значительно превосходила по численности силы русских,⁵⁵ что вполне могло вызывать ассоциации с огромным чудовищем, свирепо дышащим в лицо юноши, вооруженного лишь легким копьем.

15 августа 1811 г. на дипломатическом приеме в Тюильри по случаю своего дня рождения Наполеон, разгневанный военными приготовлениями России, весьма резко отчитал русского посланника кн. А. Б. Куракина в присутствии множества дипломатов из разных стран.⁵⁶ В его яростном и цветистом выступлении ясно была различима угроза нападения. На следующий день после многочасовой работы в Сен-Клу над документами, касающимися дипломатических отношений с Россией в течение 1807—1811 гг., Наполеон действительно принял решение о нападении на Россию, но отложил его вы-

⁵³ Эпизод описан в «Записках о словесности» Д. И. Хвостова, опубликованных А. В. Западковым. См.: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 371—372. Здесь же помещена эпиграмма на Державина по этому поводу. Об официальном открытии «Беседы» и общественном резонансе этого события см.: *Альтишуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе... С. 48—55.

⁵⁴ К ожидаемому приезду Александра в «Беседу» Державиным был написан дифирамб «Сретенье Орфеем Солнца», который, будучи положен на музыку Д. С. Бортнянским, должен был прозвучать в честь императора (III, 81—83).

⁵⁵ См., напр.: *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. С. 60—82; *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию: 1812 г. М., 1992. С. 12—45.

⁵⁶ См.: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 215—220.

полнение до июня 1812 г. А. Вандаль отмечает, что «дни 15 и 16 августа 1811 г. устанавливают решительную эпоху в истории разрыва (франко-русского союза. — А. Д.). Они отмечают момент, когда Наполеон отказывается вполне от мысли о миролюбивой сделке; когда он дает себе слово, явившись во главе своих легионов, предписать без всяких условий свою волю» (С. 228).

Выходка Бонапарта, вскоре ставшая известной в Петербурге, вполне адекватно описывается фразой из рассказа Терамена: «Страшилище, с копья вспрынув, остервенело...» Можно предположить, что, по-видимому, именно известие об этом событии оказало решающее влияние на выбор Державиным текста для публикации в сентябрьском номере «Чтений», получившем цензурное разрешение 31 августа 1811 г. «Рассказ Терамена» с лаконичной подписью «Державин» завершает номер, находится в композиционно значимом положении в сборнике.⁵⁷

Если верны предшествующие рассуждения, то можно предположить, что публикацией собственного перевода рассказа Терамена из трагедии Расина «Федра» Державин выразил свое негативное отношение к военным инициативам Александра I, который в течение 1811 г. стремился нарушить Тильзитский мирный договор и начать войну против Франции без достаточных сил, средств и удовлетворительного стратегического плана.⁵⁸

Публикация рассказа Терамена явилась кульминационным пунктом в выражении оппозиционных настроений Державина, вызванных его недовольством внешней и внутренней политикой России и, кроме того, охлаждением личных отношений с императором, что нашло отражение в ряде художественных произведений, прежде всего драматических и отчасти в лирике.

Противопоставление старого поколения государственной администрации и «молодых реформаторов», значимое для Державина-поэта, — что явствует, например, из басни «Голуби», — а также отечески-покровительственное отношение к императору получили своеобразное воплощение в публикуемом отрывке: Терамен, воспитатель и наставник Ипполита, со слезами повествует о его гибели из-за юной горячности и излишнего стремления к опасным подвигам. По счастью, пиитическое предсказание Державина оказалось

⁵⁷ Помимо прочего третья книжка «Чтений» содержит рассуждение о стихотворстве А. С. Хвостова с резкими инвективами в адрес современной французской словесности и отечественной галломании (С. 3—30); вполне воинственное переложение 143-го псалма, сделанное П. Шапошниковым (С. 31—32); начало большой статьи С. Филатова «О несправедливом суждении иноплемennых писателей касательно состояния России до XVIII века» (С. 65—111) и его же заметку «Кай Муций Сцевола, или Пример любви к Отечеству» (С. 112—119).

⁵⁸ О плане Пфуля и его недостатках см.: План Пфуля. Этюд из истории Отечественной войны. Омельянович. СПб., 1898.

ложным и осталось всего лишь предупреждением, ибо, как известно, события развивались иначе. С августа 1812 г. их уже можно было представить в библейских образах победы слабого над сильным, «Агнца» над «Зверем», что и было сделано Державиным в одах «На парение орла» и в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из Отечества».

Итак, несмотря на уже имеющийся опыт монографического рассмотрения темы «Расин в России», она еще имеет обширный историко-литературный исследовательский ресурс, и рассмотрение творческого восприятия российскими литераторами художественного наследия великого французского трагика может пролить свет на некоторые малоизученные стороны отечественного литературного процесса.